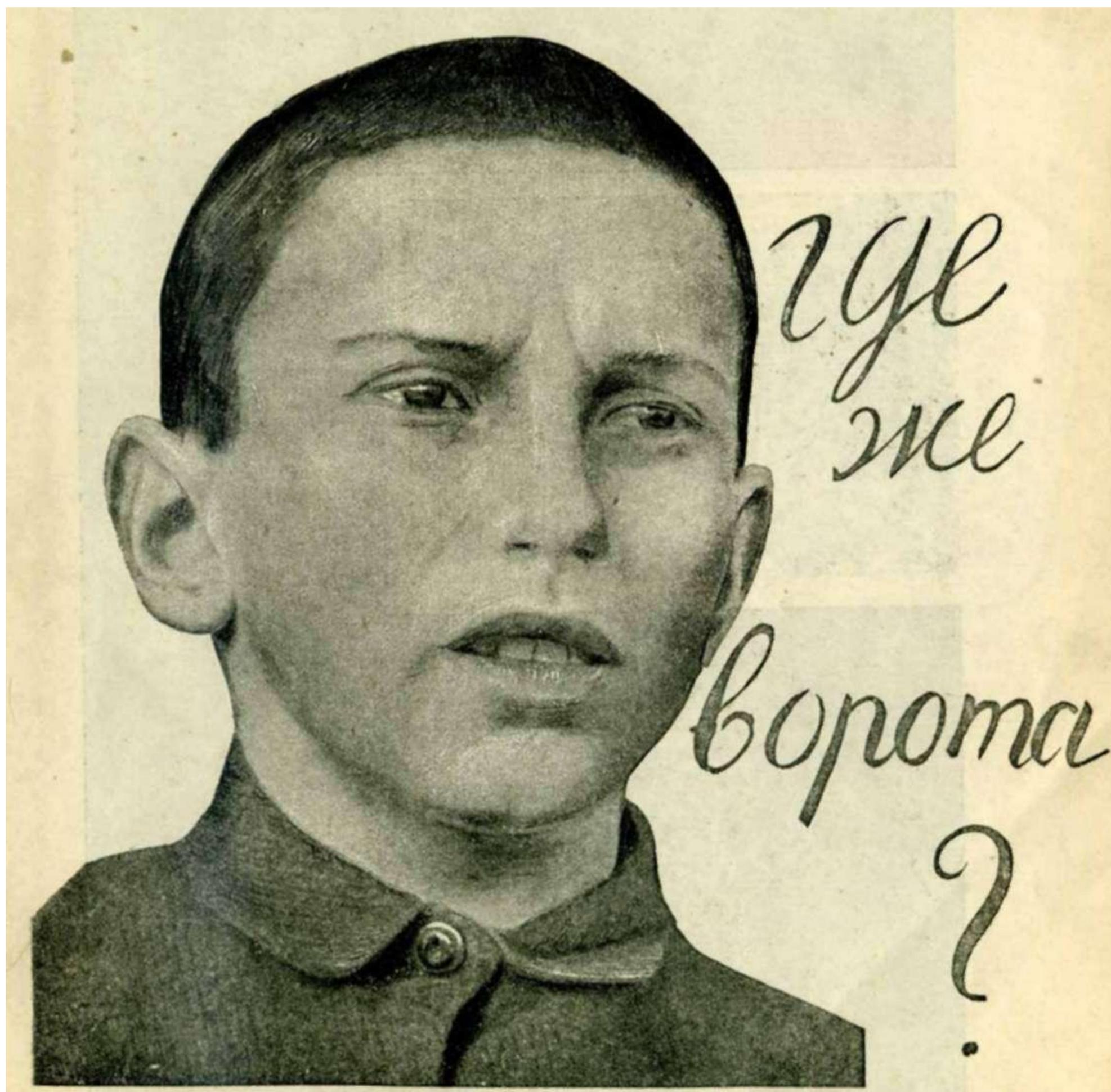
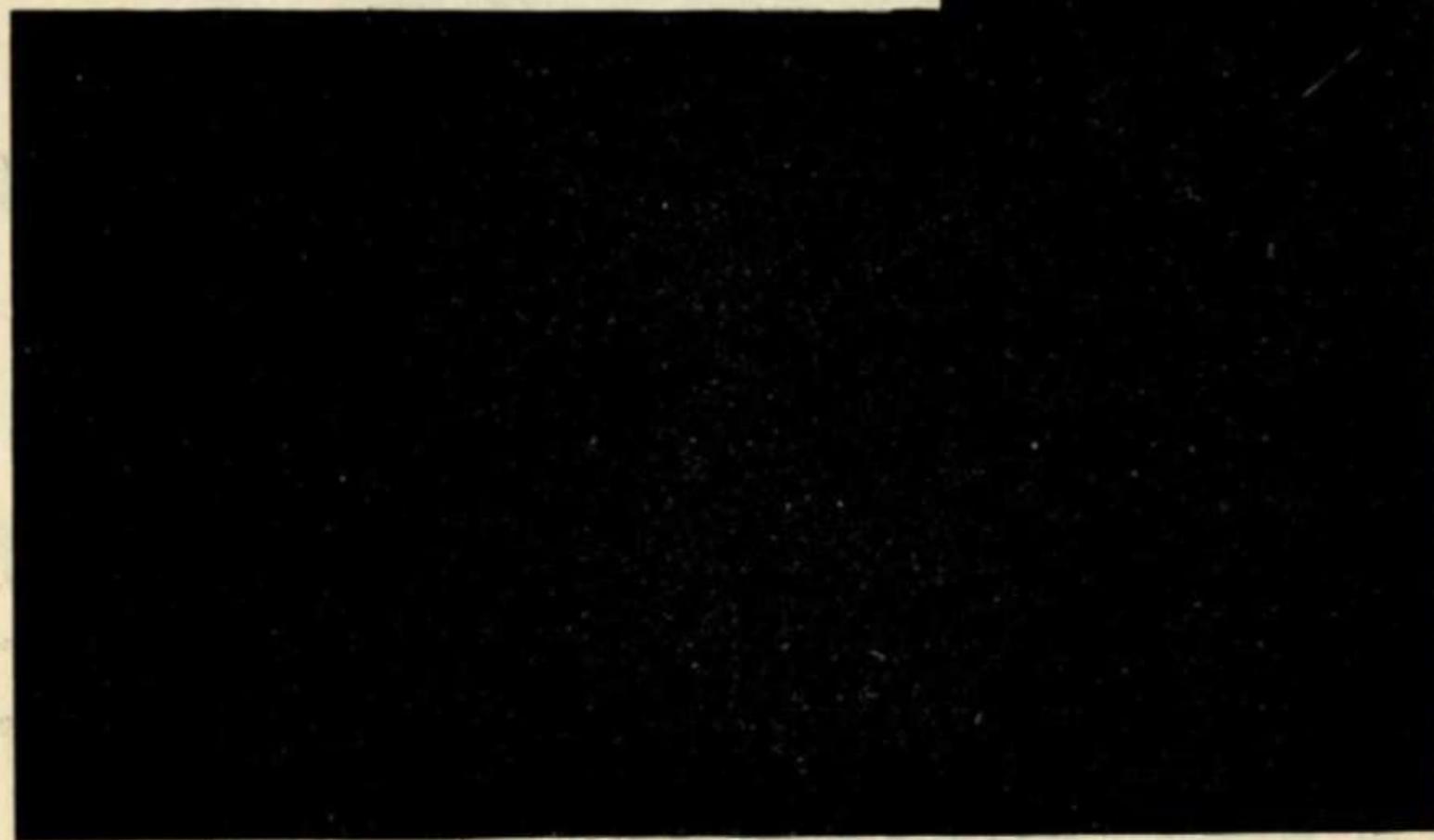
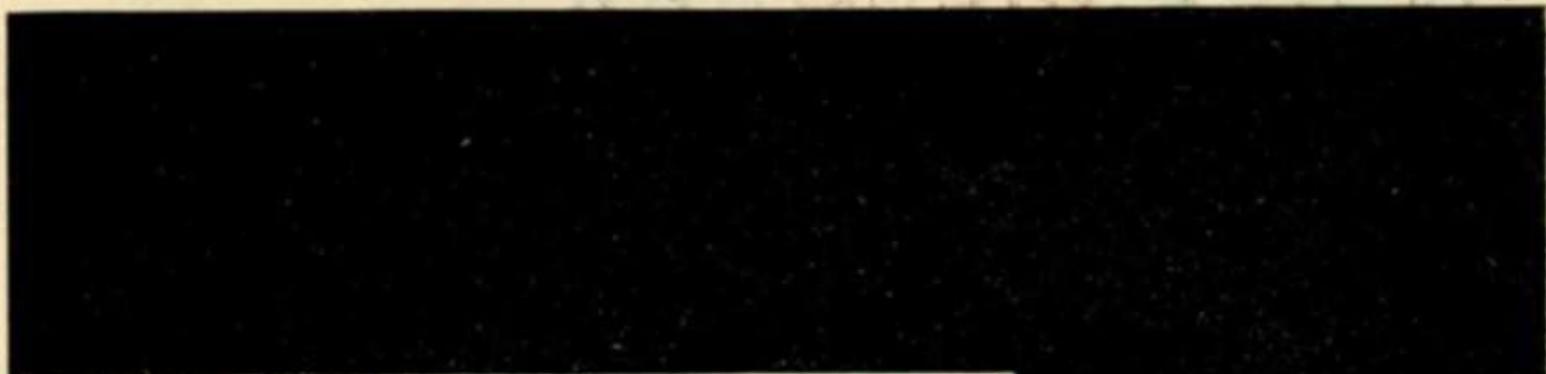

А. КОВАЛЕНСКИЙ

О Г И З - МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ — 1931

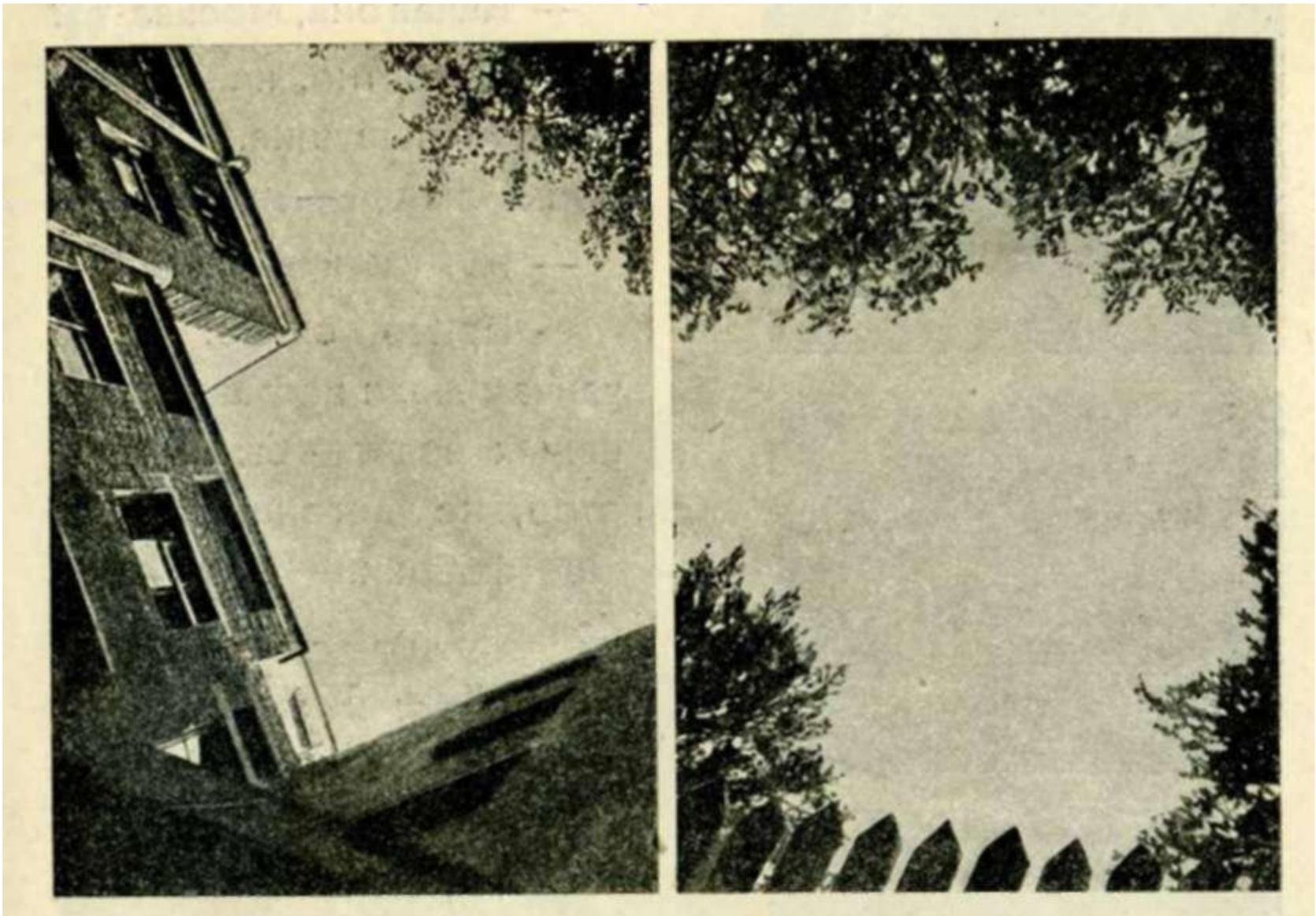
А. КОВАЛЕНСКИЙ

ГДЕ ЖЕ ВОРОТА?

ФОТО сопровождение
текста Н. ШИФРИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮНОШЕСКОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД 1931 г.

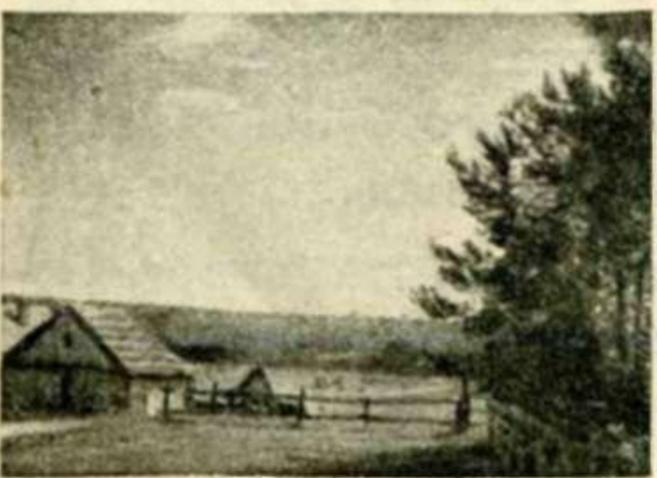
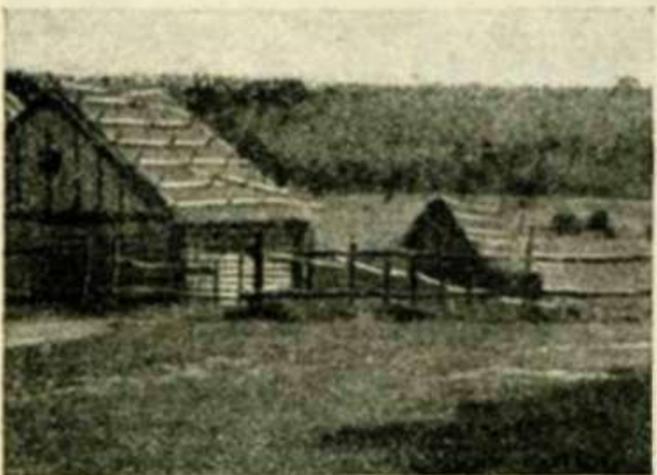
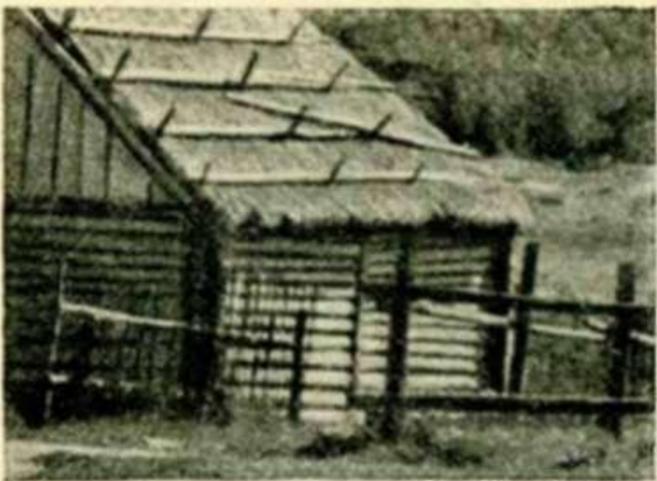

I

Сенькин отец в Москве жил, а Сенька в деревне.

Минуло Сеньке восемь лет, отец его с собой взял, в школу учиться.

Далеко ехать – триста верст. Пошел Сенька с приятелями прощаться. Завидно им: как же, в Москву поедет.

– Какая она, Москва-то?

– Известно, какая. Все дома большущие, а в тех домах людей – миллион.

– Ну, уж и миллион!

– Право слово. А по улицам люди на разных машинах ездят – быстро-быстро, не догонишь. А то еще фабрики – тоже дома большущие, а над ними все трубы, трубы... вроде как у нас елки – целый лес.

– Да ну?

– Ты, Сенька, пиши, как в Москву приедешь, а то позабудешь.

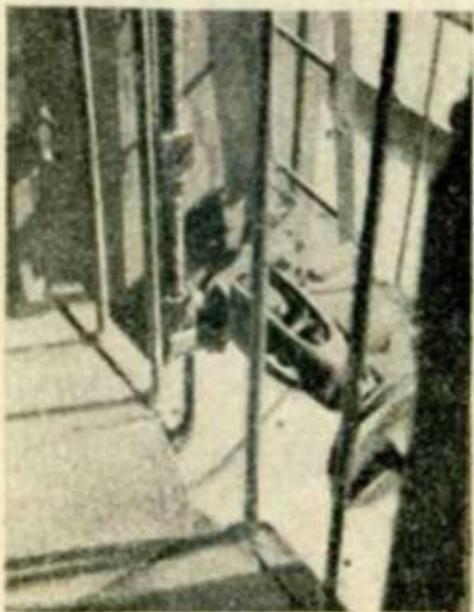
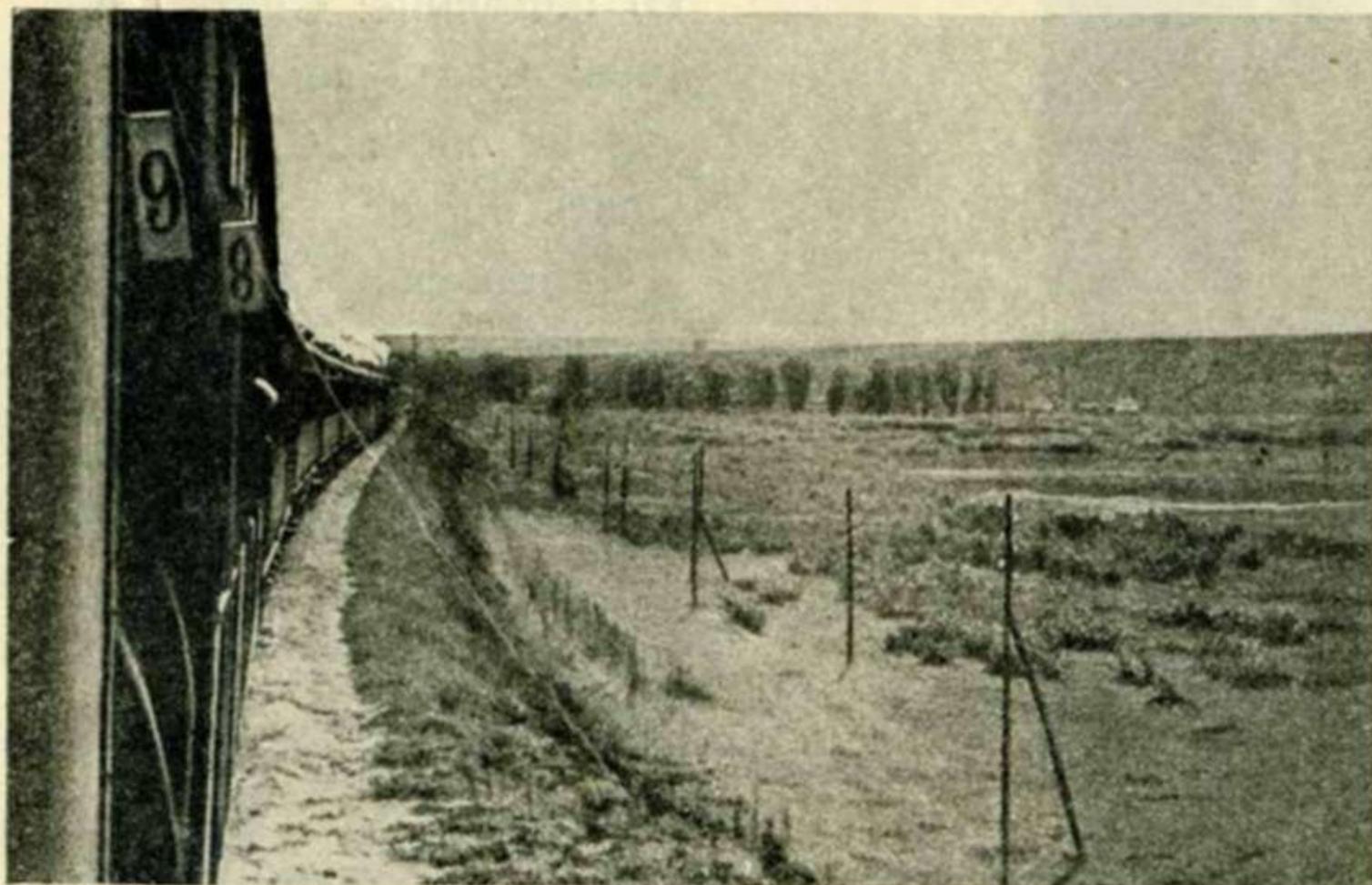
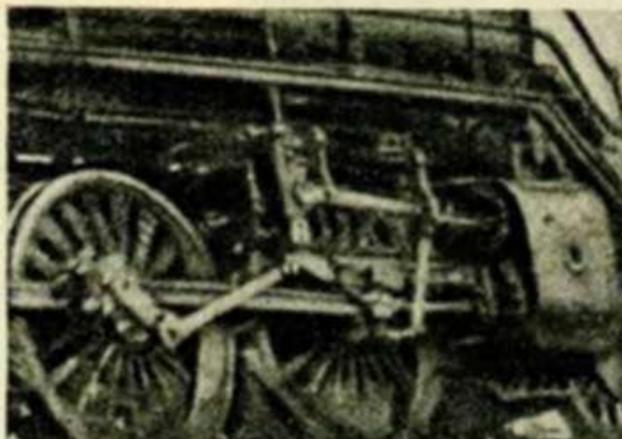
– Нельзя мне вас позабыть. Выучусь – назад вернусь, тогда вас всему обучу.

– Когда приедешь-то?

– Я каждое лето приезжать буду.

– Ну, смотри, ждать будем.

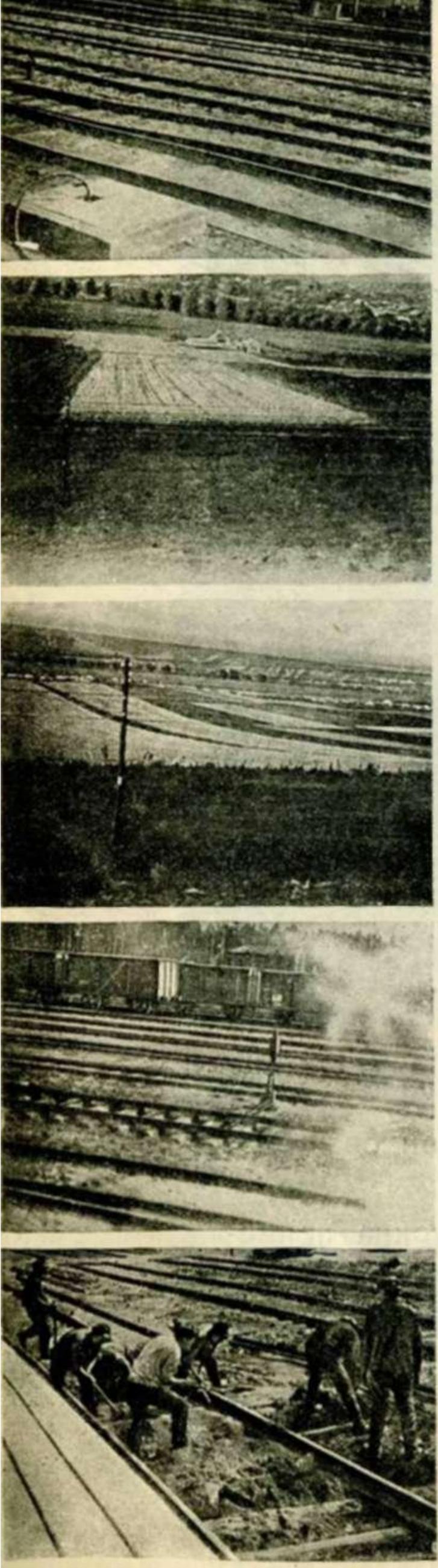
II

Добрались Сенька с отцом до станции.

Взяли билет, в вагон сели, поехали.

Сенька у самого окна примостился, глядит – бегут навстречу деревни, леса, речки, овражки...

Глядел, глядел Сенька, устал даже. А тут еще колеса вагонные выстукивают передние: Спать ложитесь! Спать ложитесь!", а задние свое: „Спать пора! Спать пора!"

Забрался Сенька на верхнюю полку, улегся, да что-то не спится.

Поезд быстро, быстро бежит...

„Как это люди раньше ездили"? – думает Сенька. – Вот бы узнать!

– Папанька, а папанька! Давно тут железная дорога проложена?.

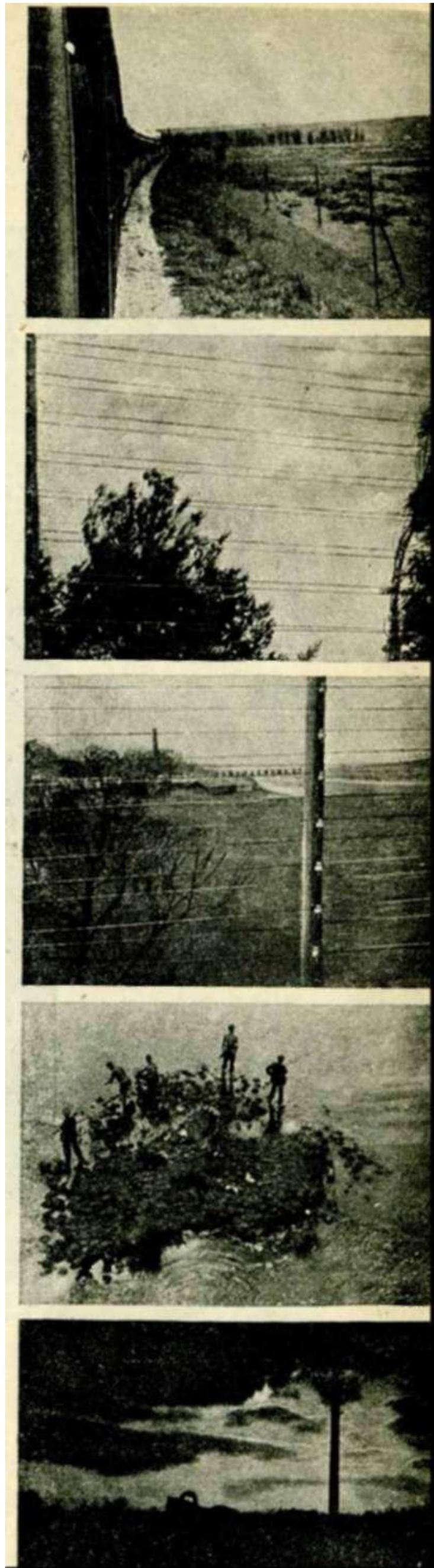
– Давно, лет пятьдесят, коли не больше...

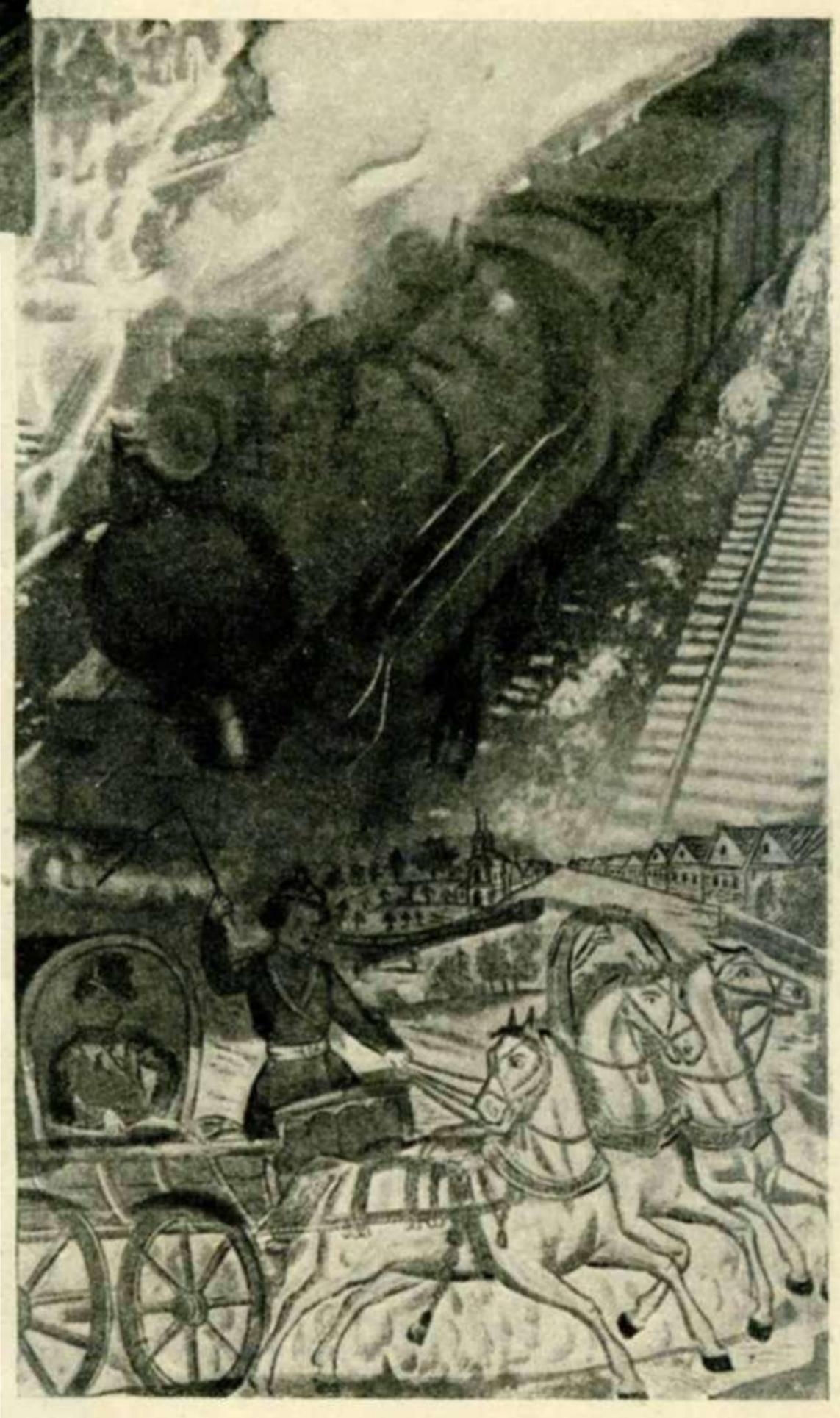
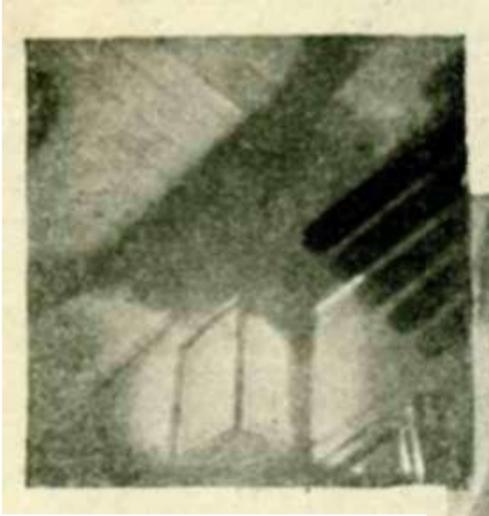
– А раньше как?

– Так и ездили: запрягут лошадь и поедут.

– Хоть тысячу верст?
– Хоть тысячу верст.
А то на перекладных. Дорога долгая, никакая лошадь не выдержит, если к спеху. В то время по дороге станции строили, при станциях лошадей держали. Едет, к примеру, возок, на каждой станции лошадей-то и меняют, оттого и называлось на перекладных ездить. Богатые тогда в возках да на тройках разъезжали, ну, а мы в те времена больше на своих на двоих хаживали.

– Да ведь долго?
– Ну и что же, что долго.
– Да ведь трудно?
– Ну что ж, что трудно, кому тогда до нас дело было...

В Москву приехали вечером поздно.

– Вылезай, Сенька. Вот она, Москва.

Вылезли.

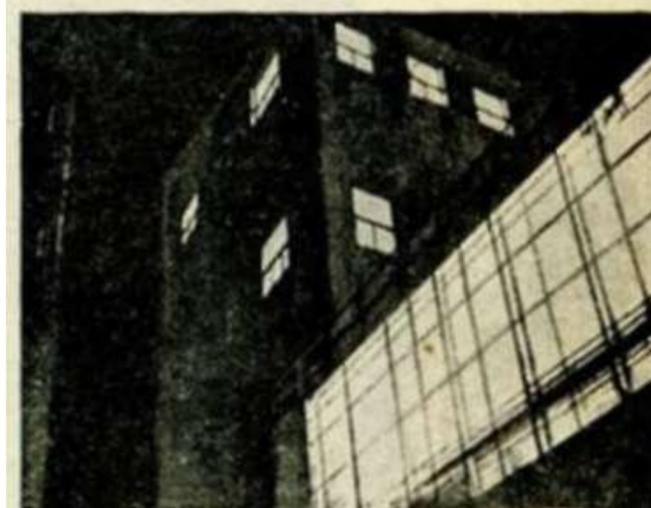
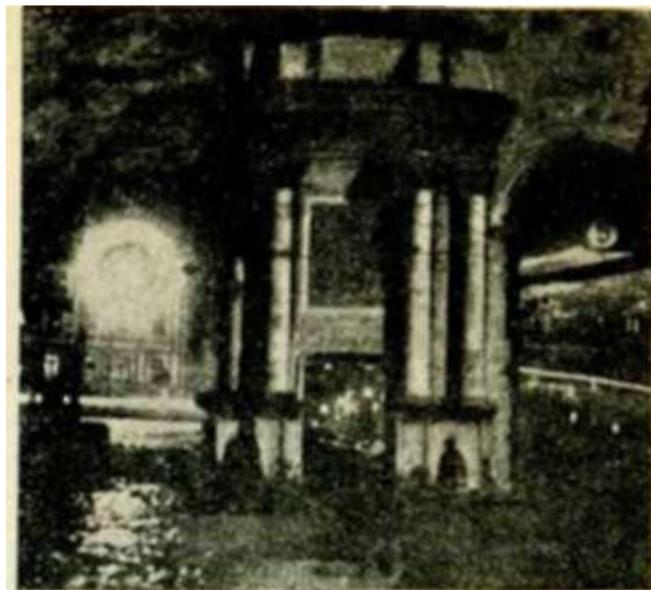
Вокзал большущий, конца-края не видно. Направо, налево поезда стоят. Считал, считал Сенька, так и не счел, сколько.

Вышли на площадь, на трамвай сели. Едет Сенька, дивится: „Не по-нашему все. Ночь, а светло... Людям спать пора, а они по улицам бегают. Едут, а без лошадей. На площади ворота поставлены в целый дом, а забора нету. На что тогда ворота?

Немного проехали, кондуктор кричит:

– Граждане, кому у Мясницких Ворот сходить?

Сенька к окну – на Мясницкие ворота поглядеть. И того чище: ни ворот тебе, ни забора. Как есть гладкое место.

IV

Сегодня Сенька в первый раз в школу пришел. Хорошая школа – большая, чистая, светлая, ребят много – не соскучишься.

На первом уроке учительница Сеньку спрашивает:

- А ты что умеешь?
- Я все умею.

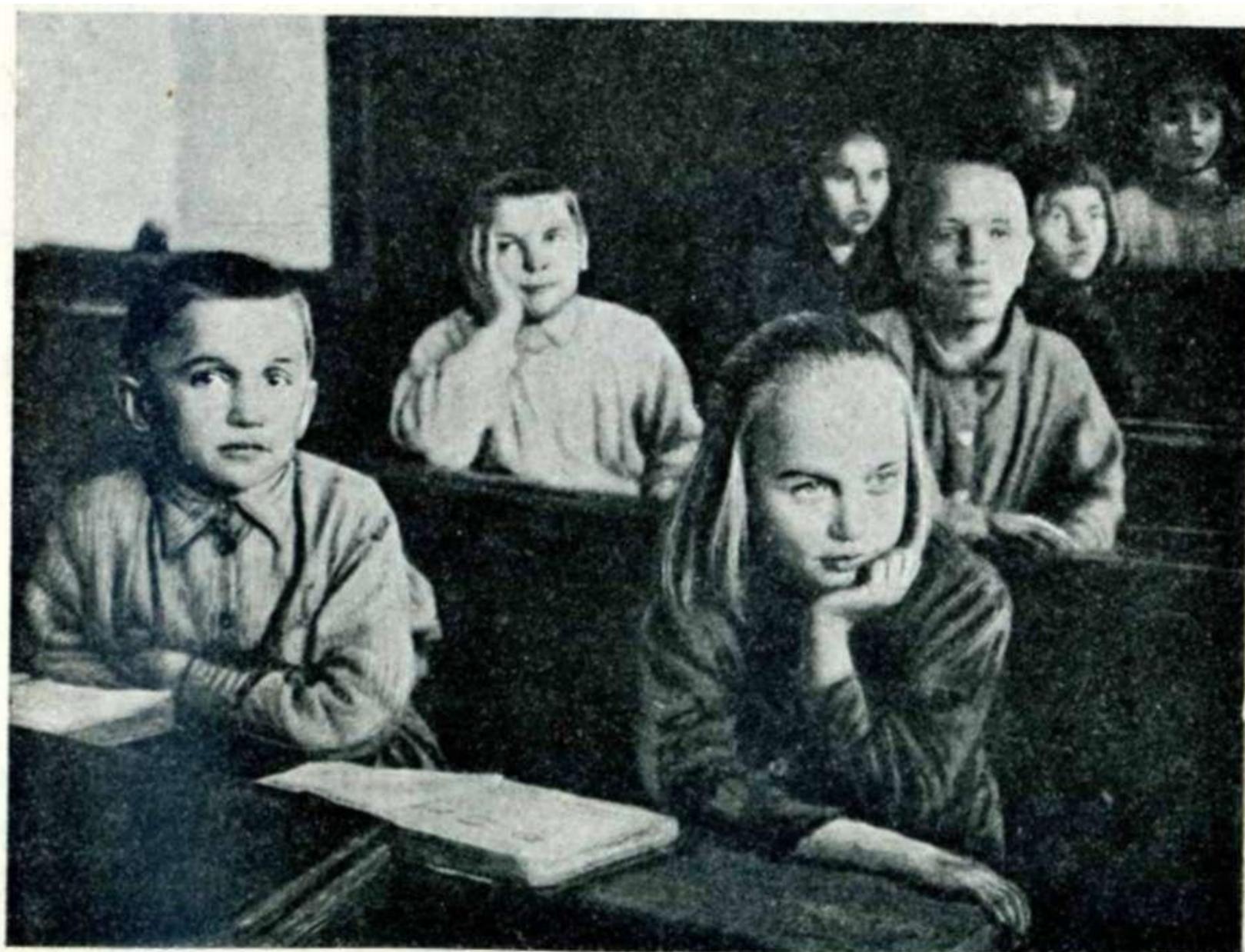
– Все? Ну-ка скажи – что.

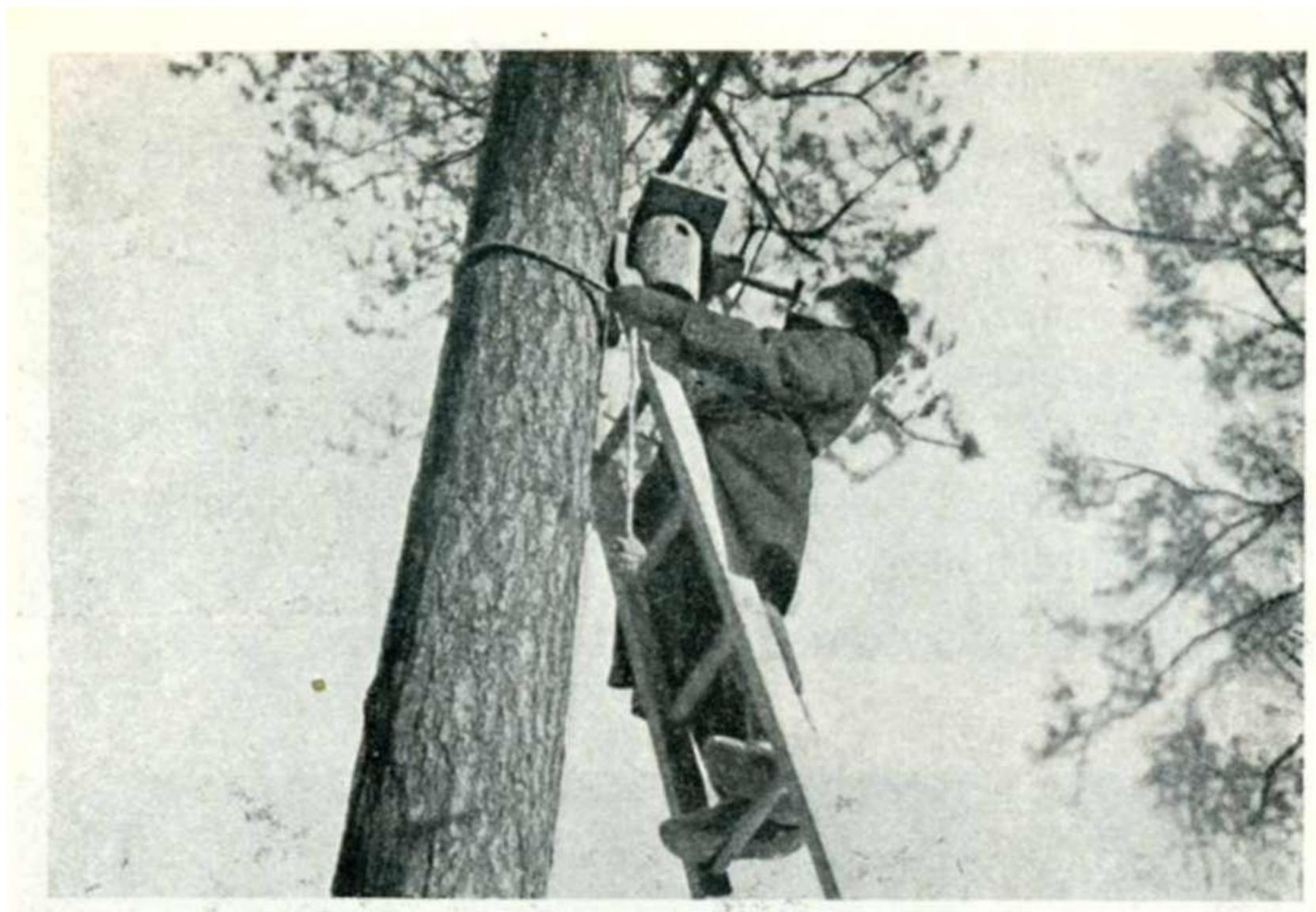
– Пахать умею, сено грести, огород копать, лошадь запрягать, коров, овец загонять... Много умею – все.

– А науки знаешь?

– Я птичью науку знаю.

– Какую?

– Птичью – когда тетерев • токует, когда голубь воркует, когда гуси летят, когда совы кричат, когда утки яйца несут. Я и звериную науку знаю.

– А человеческую знаешь?

– Нет, человеческой не знаю, учить буду.

– Ну, учи, учи человеческую науку.

V

Теперь Сенькин черед спрашивать.

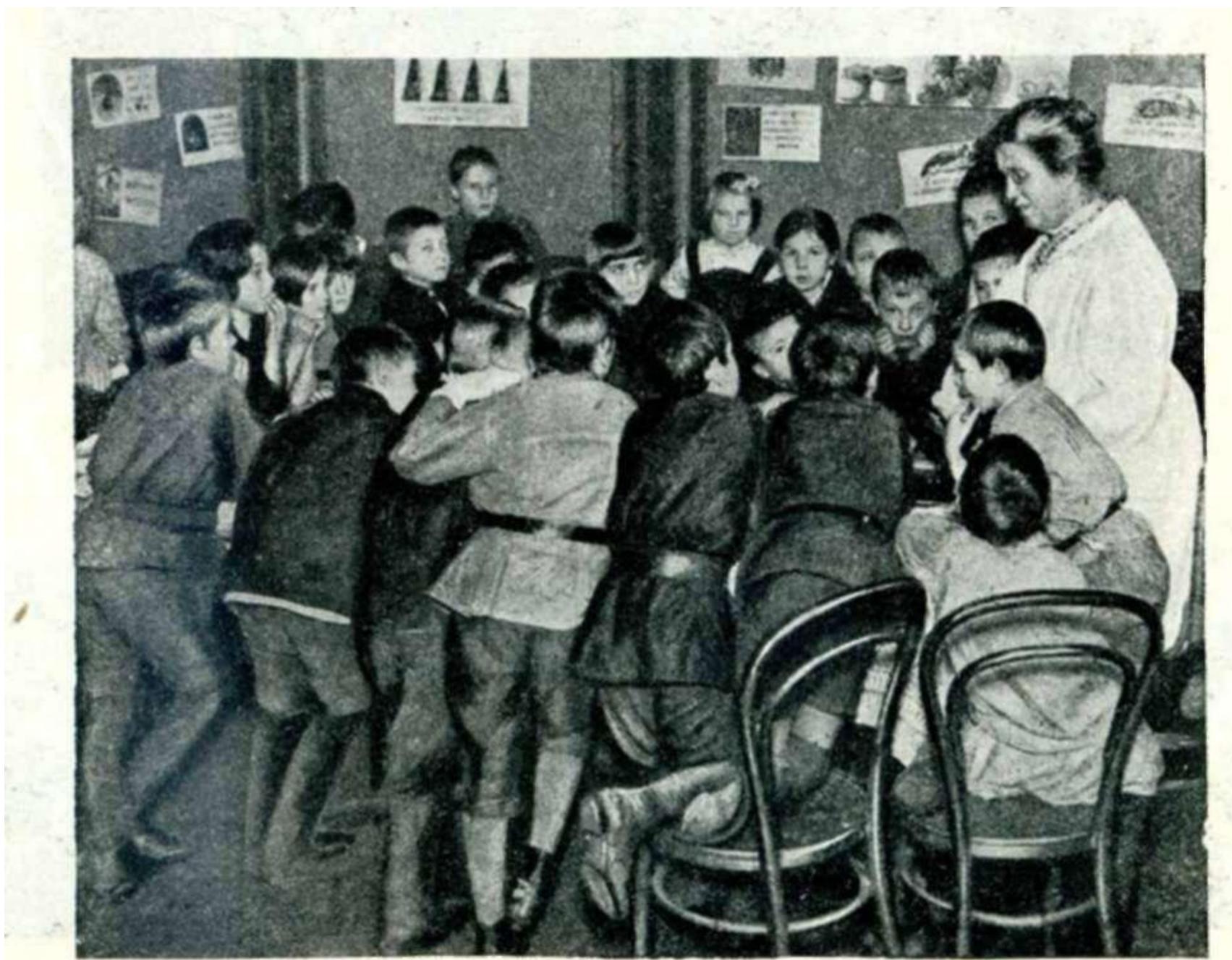
– Что я у вас хотел узнать: ехал я с железной дороги к отцу на квартиру. Проезжали мы Мясницкими Во-

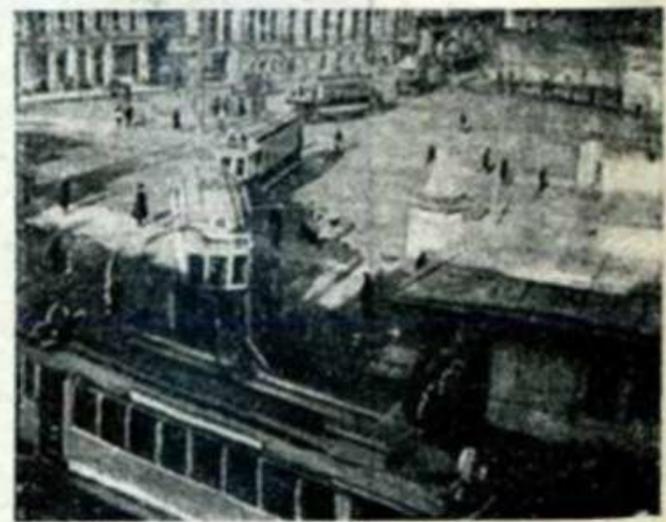
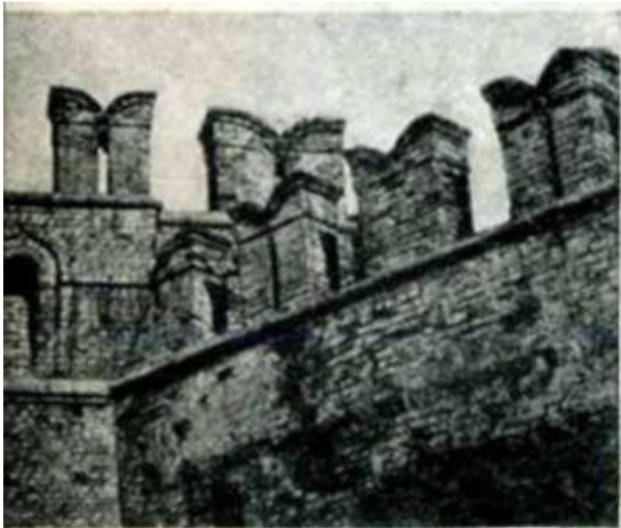
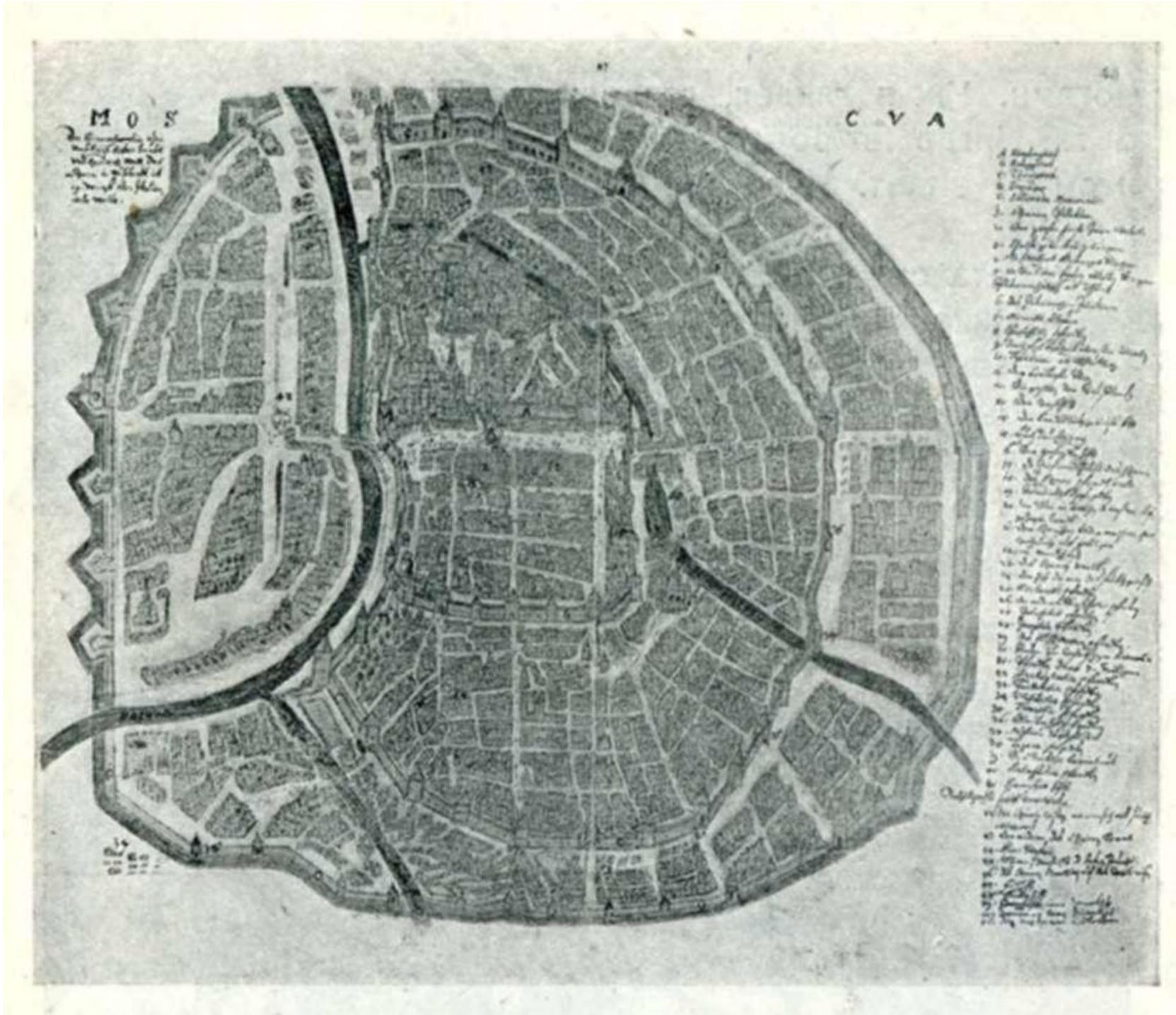
ротами. Уж я глядел, глядел: где Ворота? Нигде нет ворот. Отца спросил – и он не знает. Куда же они подевались?

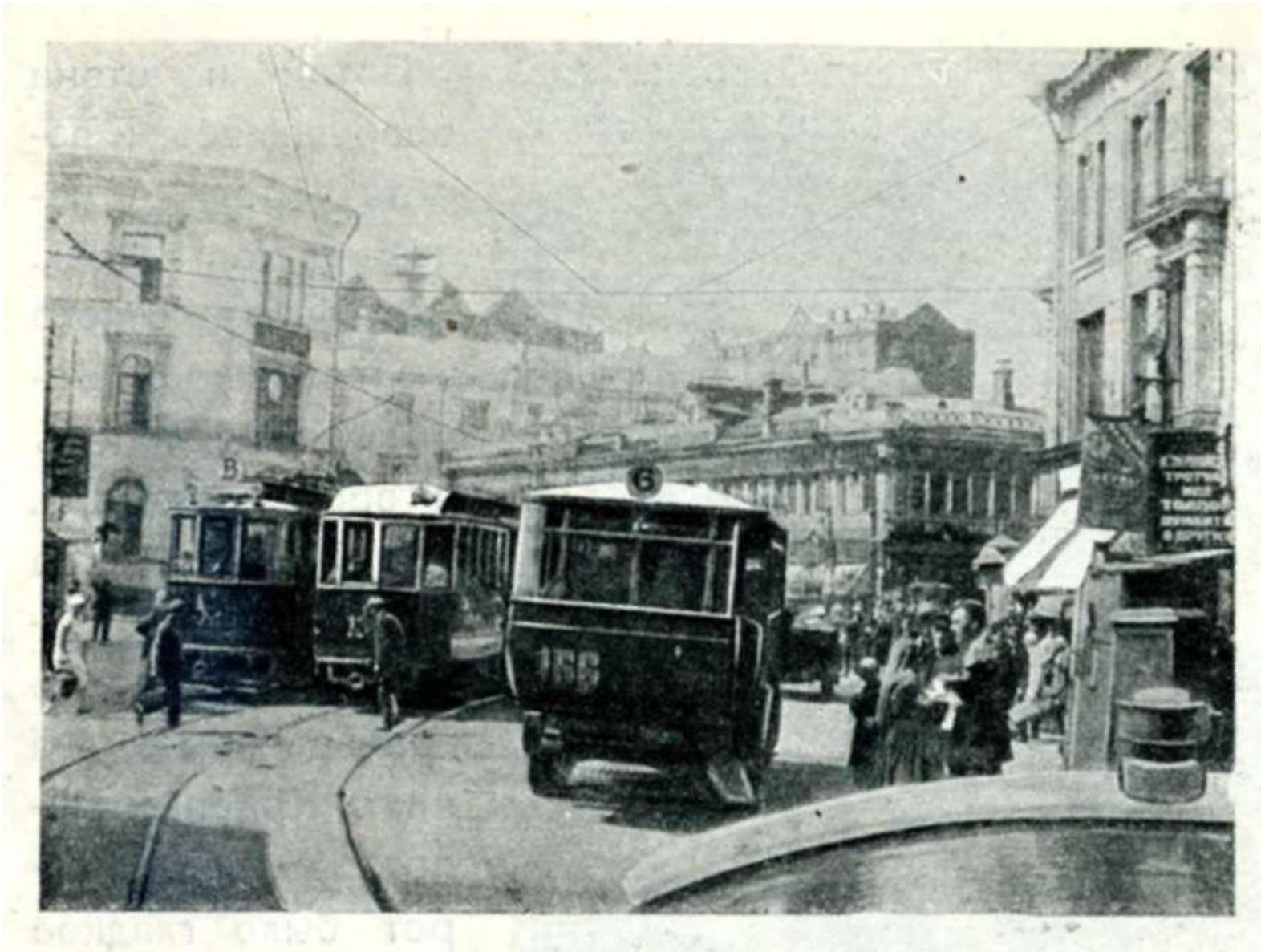
Ребята смеются.

– Никаких там ворот и не было.

– Неправда, – учительница говорит, – были ворота, только давно, очень давно. Тогда еще Москва маленькая была. На Тверской улице леса шумели, по лесам волчьи стаи бегали. Правил Москвой Федор – сын царя

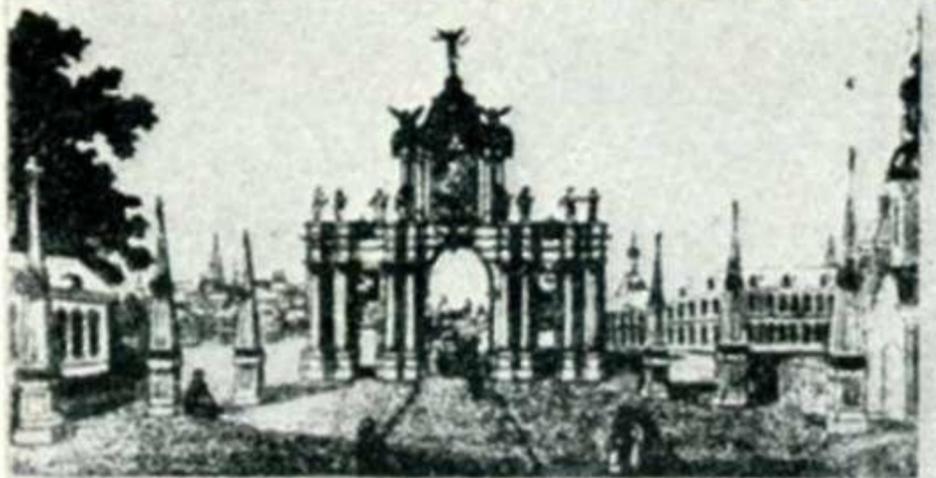

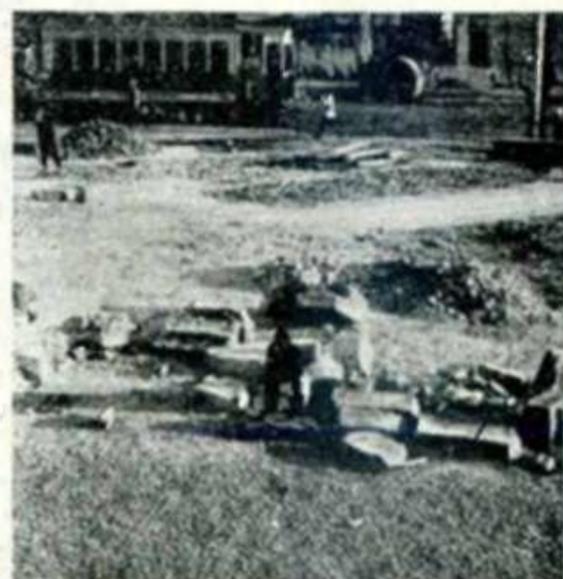
Ивана Грозного. Вот он и велел построить вокруг города крепкую стену, чтобы легче было от врагов защищаться. Выстроили стену по самому тому месту, где теперь по бульварам трамвай „А“ бегаёт. Где дороги к Москве подходили, ворота поставили – Пречистенские, Арбатские, Никитские, Петровские, Сретенские, Мясницкие, Яузские. Кольцом шла белая стена от берега Москвы-реки и опять до берега. Оттого и город за стеной назывался „Белым“.

да "должна" была означать это событие сооружением под разными углами.
 Но могли ли знать строители Красных ворот, что их объектом дотепе станет такой вокзал и глазах их внуковых потомков? Дунали ли они тогда, 186 лет тому назад, что спустя несколько десятков лет на месте Красного моста, существовавшего в ту пору, возникнут вокзалы? Что население Москвы с населения сот тысяч человек возрастет до двух миллионов? Они, конечно, не знали всего этого.

Красные ворота в конце XVIII века.

См. оригинал в архиве.

Потом и стена разрушилась, и ворота убрали, а название осталось... Вот, ребята отчего у Мясницких Ворот нет теперь ни ворот, ни забора.

И правда, когда весной Сенька уезжал в деревню и трамвай проходил мимо Красных Ворот, на месте ворот было гладкое место – их уже успели убрать.

VI

После урока Сенька с ребятами в большую комнату пошел. А на столе черная труба поставлена. Труба, как труба, чего ребята в нее глядят? Подошел Сенька – ничего такого не видно. Да вдруг из трубы как закричит кто-то:

– Алло! Алло! Алло! Говорит радиопионер! Слушайте, ребята!

– Ишь ты, это кто же такое, радиопионер?

Пионера Сенька видел, а радиопионера не видал, не приходилось.

Сенька в самую трубу влез – никакого там пионера нет, и голос пропал.

– Дяденька!

Молчит.

– Дяденька-а!

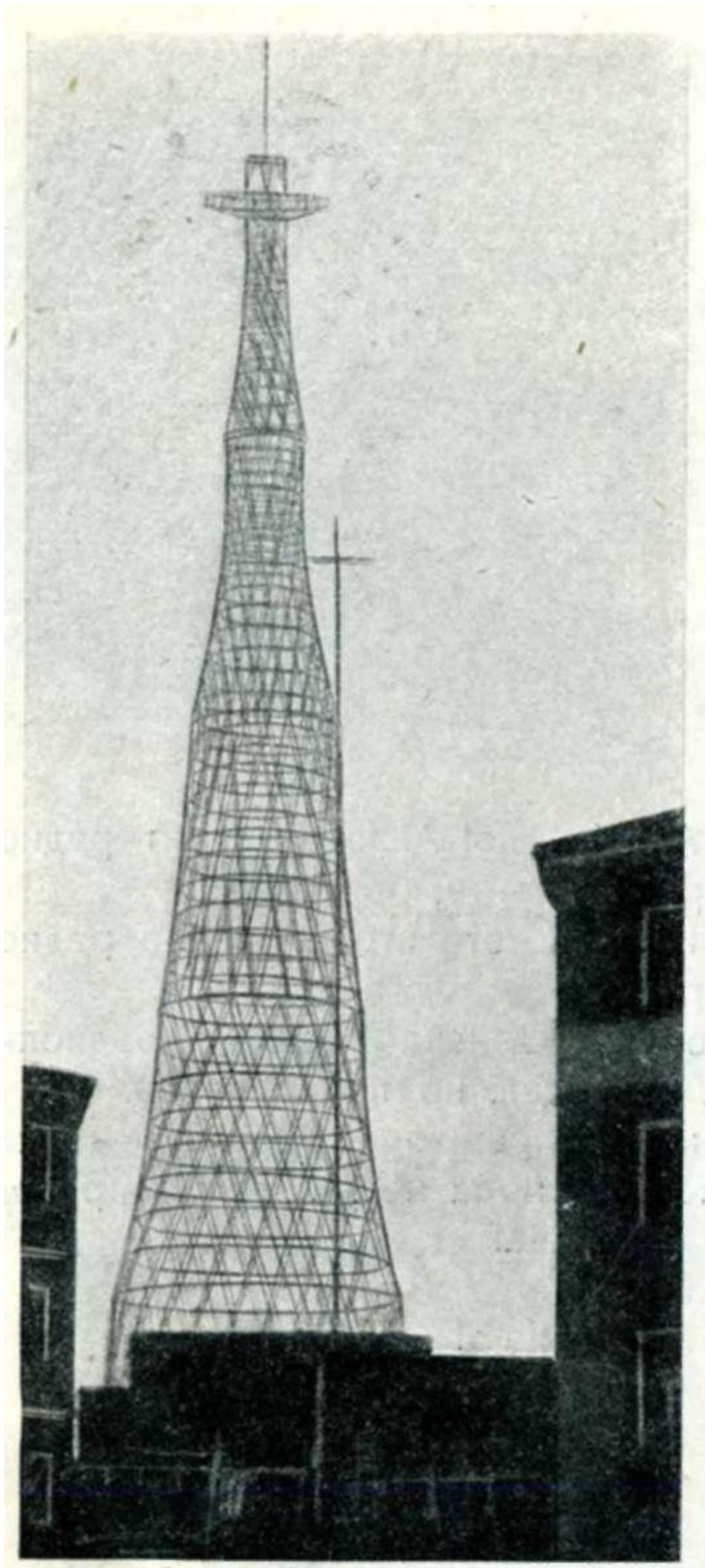
Молчит.

– Дяденька, ау!

Молчит.

Не вытерпел Сенька:

– Ребята, где же он сидит?

– Кто?

– Да голос!

– Известно, где:
на радиостанции.

– Это где же?

– Далеко, за Шаболовской улицей.
Отсюда не видать.

– А здесь слышать?
Небось, раньше так не умели разговаривать?

– Раньше одна почта-телеграф была.

– Нет, еще раньше, вот когда стена с воротами вокруг Москвы была?..

Этого никто из ребят не знал.

– Где ж про это узнать?

– В книжке!

—Где же книжку достать?

– Учительницу попросить, уж она достанет.

Достала учительница книжку, а там вот что написано:

Снаряжался гонец, да не в ближний путь,
выводил коня богатырского,
принимал гонец княжью грамоту
за тремя восковыми печатями.
А и ехал неделю с месяцем,
воевал во лесу разбойников,
воевал во лесу зверя дикого...

Вот тебе и почта... Долго с этой книжкой Сенька
не расставался.

VII

Идет раз Сенька по улице; магазинов на улице – не перечесть, а народу и того больше. Автомобили, автобусы взад-вперед ездят, шум, сутолока...

– Как эта улица зовется? – спрашивает Сенька милиционера.

– Кузнецкий Мост.

– А где же тут мост?

– Какой мост?

– Как, какой? Кузнецкий!

– Это улица – Кузнецкий Мост, а не мост.

– А кузнецы где?

Озлился милиционер: тут гляди, как бы народ не задавили, а мальчонка про мост спрашивает!

„Что-нибудь да не так,— решил Сенька. — Наверное, был мост, да потом его сняли. Вот только зачем мост, если реки нет?”

Вечером Сенька к отцу пристал:

— Отчего на Кузнецком Мосту ни кузнецов, ни моста нет?

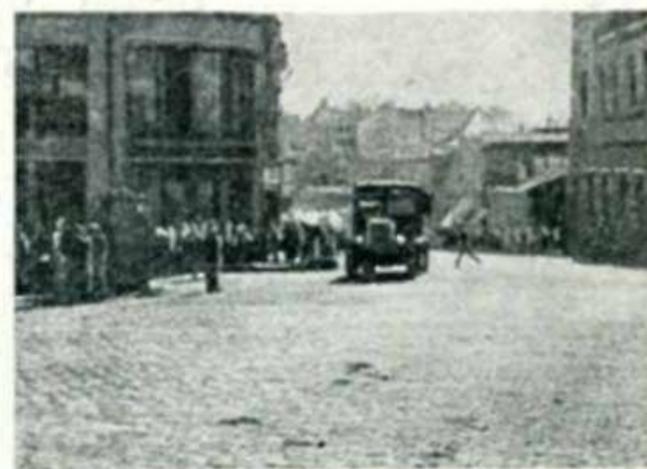
А отцу и самому невдомек. Однако дознался и Сеньке рассказал:

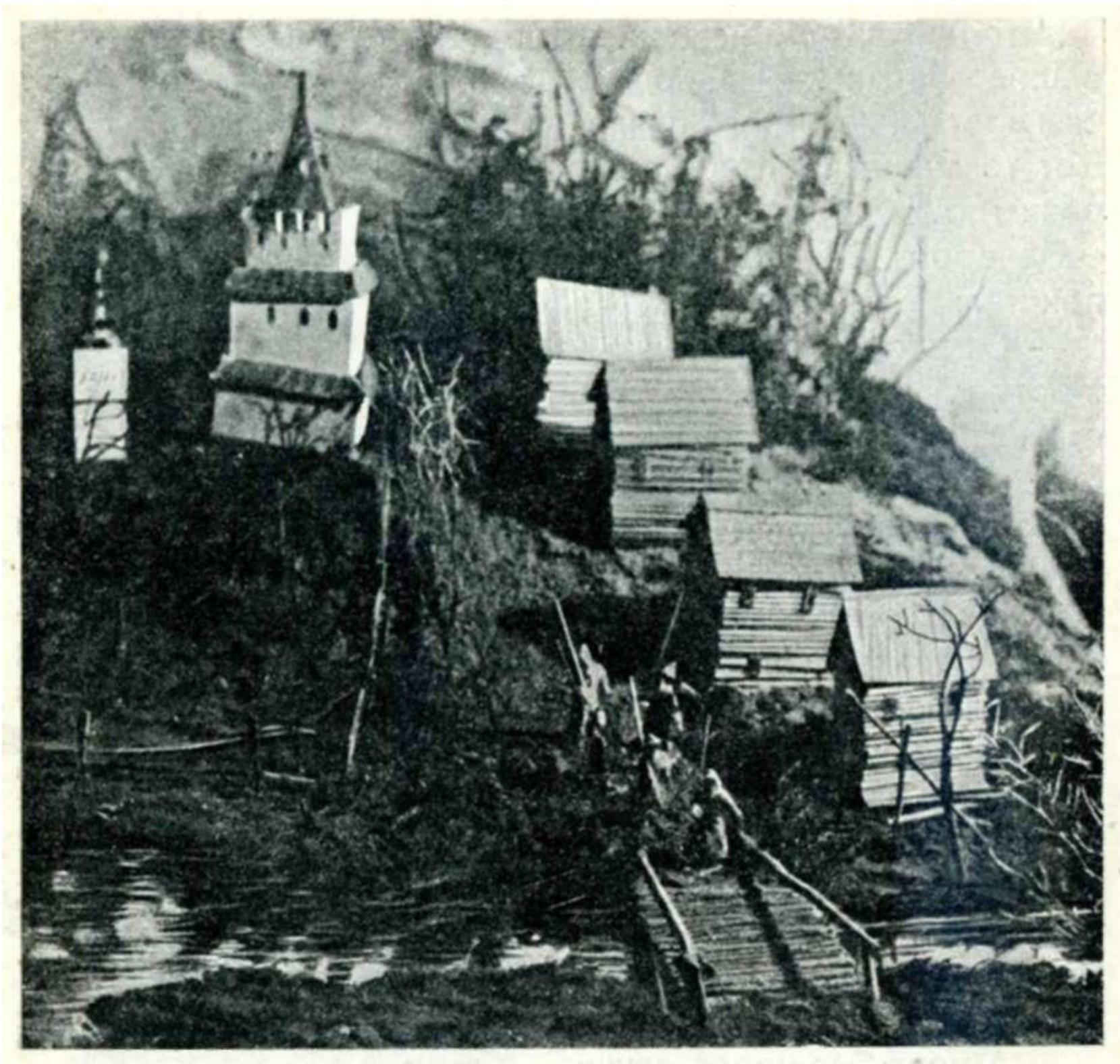
— Был и мост, были и кузницы. Стоял на том месте пушечный двор, где московскому войску оружие делали. А вокруг жили новгородские кузнецы — мастера пушечного дела. Давно это было, 400 лет назад.

— А мост? — не терпится Сеньке.

— А мост был через речку Неглинку. Та речка и теперь есть, только бежит она в трубе, под мостовой, ее и не видать. Потому и улица зовется „Неглинная”.

„Вот бы поглядеть, какая тогда Москва была”, задумался Сенька.

VIII

Отец уже давно спит, а Сеньке не спится. Наслушался он рассказов, начитался той книжки и кажется ему: стоит он опять на Кузнецком мосту, только ни домов, ни магазинов – ничего будто нет.

Через Неглинку-речку деревянный мост поставлен, а по мосту войско идет –

и конные и пешие. Только совсем оно не теперешнее, на красноармейцев не похоже: и кафтаны разноцветные, и за спиной ружья длинные-длинные. Очень ружья чудные: ствол к концу шире, у курка кремь, под курком – полочка.

„Это для пороху, – вспоминает Сенька. – Стрельцы идут“.

А за пешими везут толстую медную пушку – тоже на теперешние не похожа. Сбоку их начальник едет верхом на коне; одежда на нем красная, мехом обшита, на голове шапка соболя. Страшные все.

Вдруг как запоют стрельцы песню, совсем как в книжке:

**Уж как мы, стрельцы-молодчики,
государя слуги верные,
не дадим бояр в обидушку,
отстоим их силой ратною...**

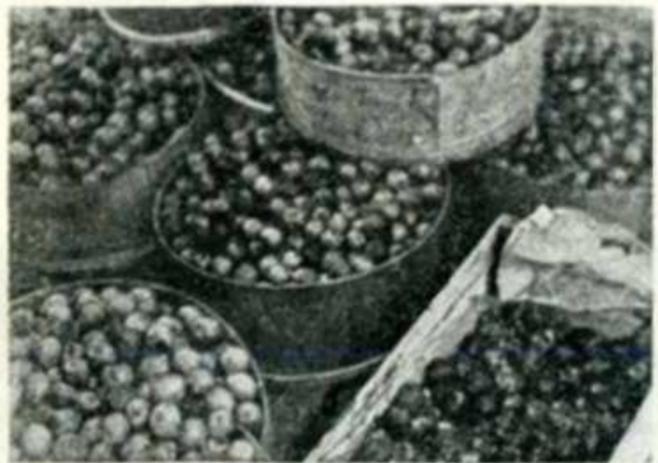
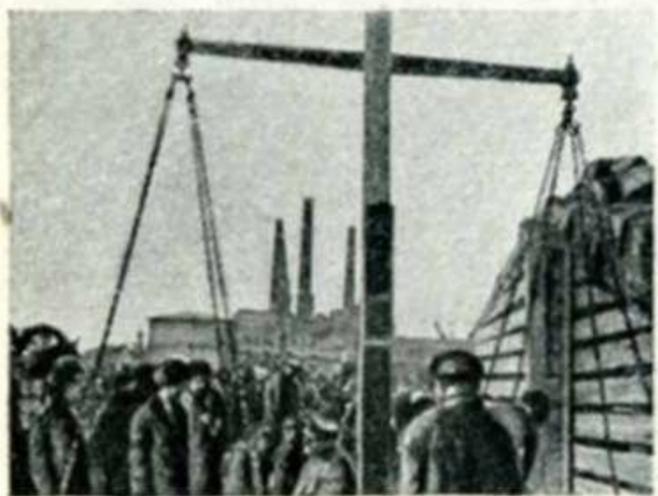
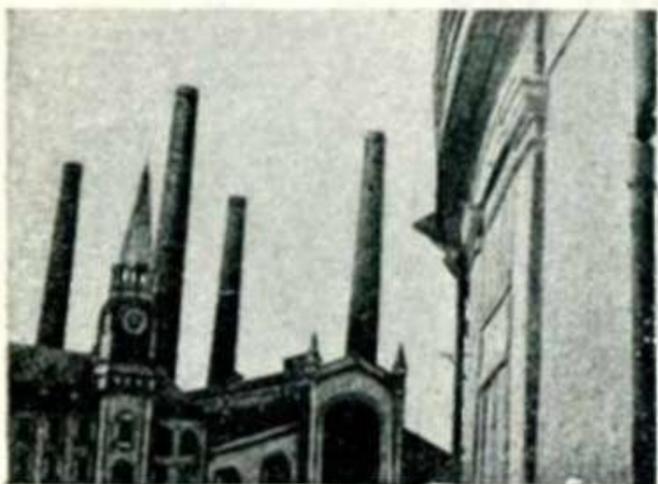
Так громко, что Сенька проснулся. Проснулся, а за окном красноармейцы поют:

**Смело мы в бой пойдём
за власть советов...**

Обрадовался Сенька: приснились только и царь, и стрельцы его...

Так оно лучше, красноармейцы свои.

IX

– Вставай, Сенька, сейчас на Болото едем, за яблоками, варенье варить.

Сенька спросонку на отца глядит, никак не поймет.

– Может, за клюквой? Или за брусникой?

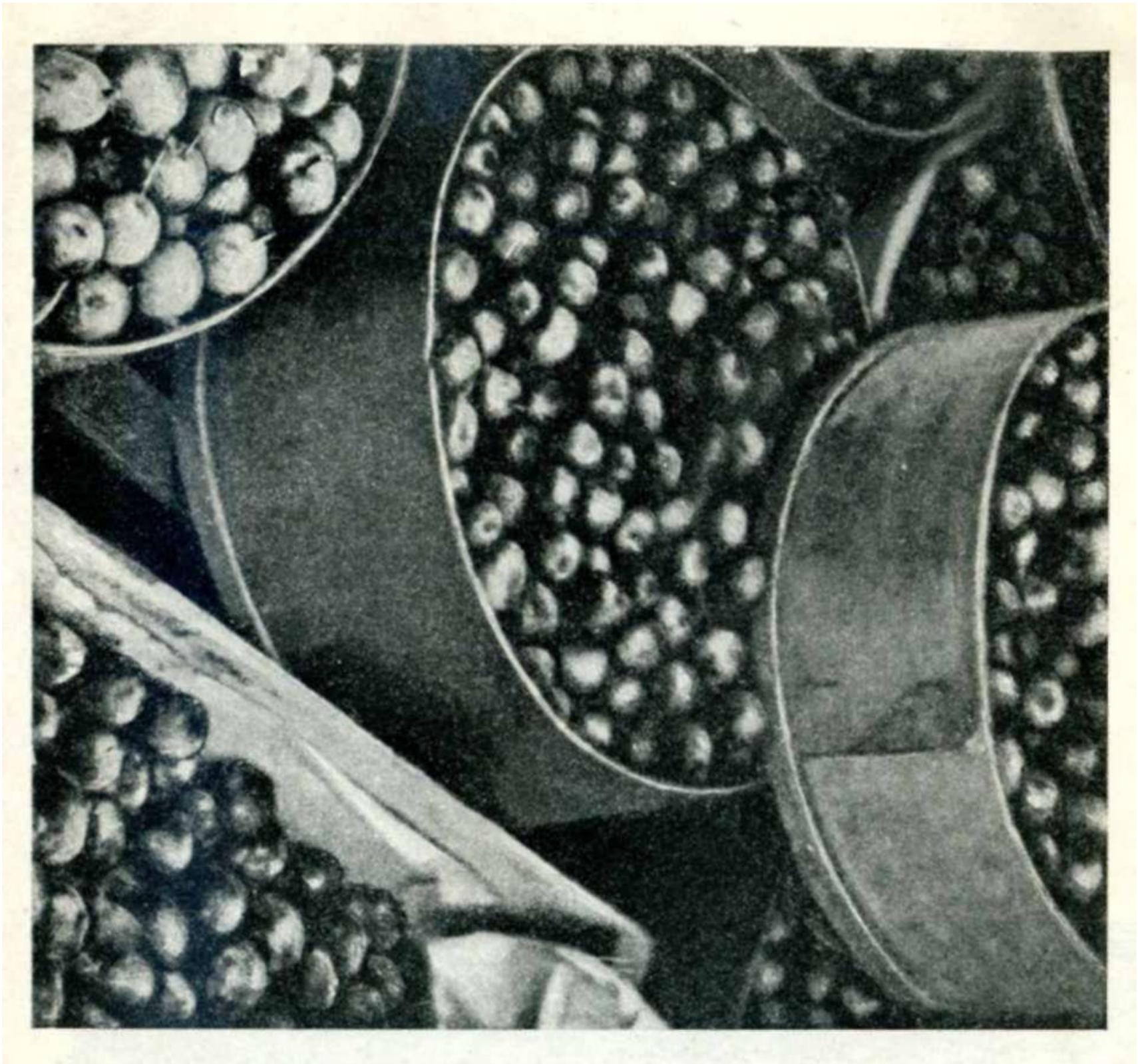
– Говорю, за яблоками.

„Какие же это яблоки на болоте растут? – гадает Сенька. – Впрочем, Москва – она что хочешь вырастит...”

Натянул он сапоги, чтоб ног не промочить, как по болоту пойдут, взял палку, отец ему корзинку в руки сунул – пошли.

Из ворот вышли, на трамвай сели. Ну, в трамвае, конечно, народу много, сутолока, не заметишь, как время пройдет.

– Болото! – кричит кондукторша.

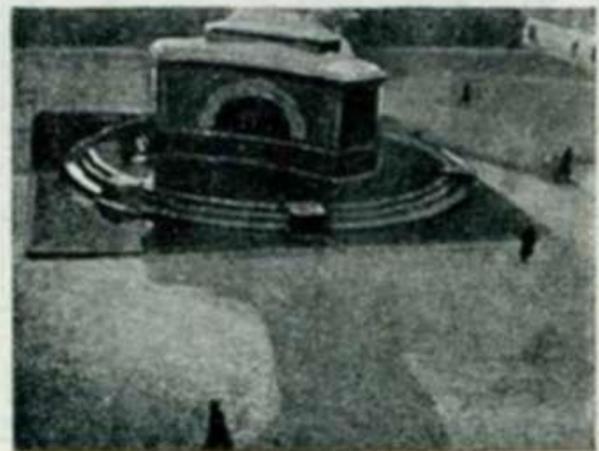
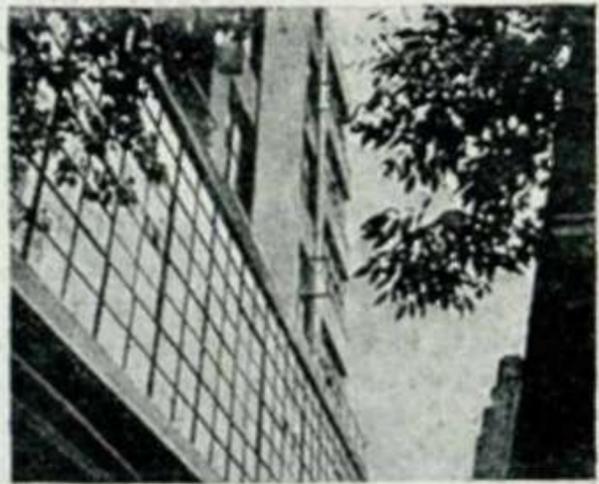
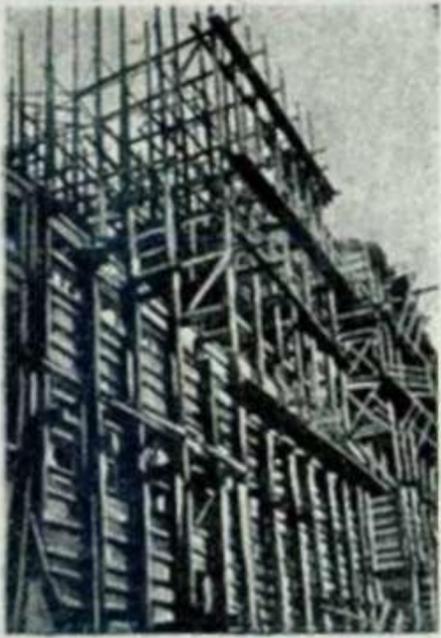
Вылезли. Сенька глядит – улица, как улица. Всюду дома, фабрика с трубами большущими, впереди мост. А у домов все яблоками торгуют, целый рынок – и на возах, и на лотках, и по-всячески. Ну, яблок много, а вот болота не видать.

– Папанька, где болото?
– Да это Болото и есть.
– Что же оно, пересохло?
– А кто его знает? Может, раньше было, да пересохло.

– Опять ты не знаешь, а я и сапоги болотные надел, даже ногу сапогом натер. Ну, да я узнаю, дай только срок.

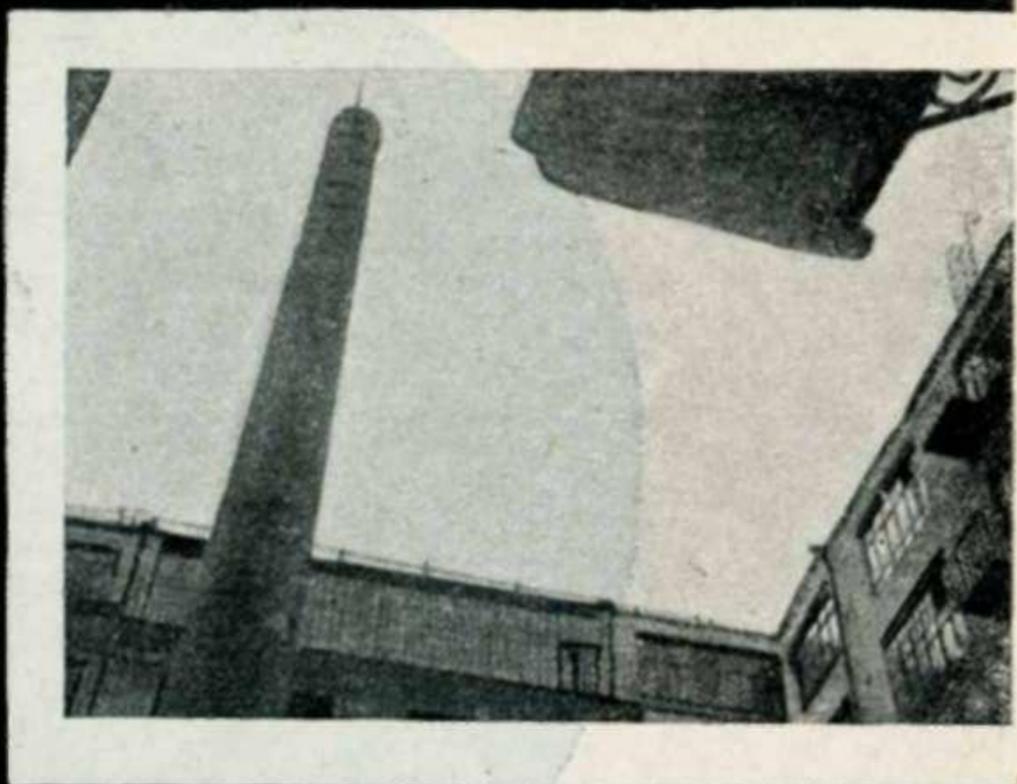
И, правда, жаль, что Сенькин отец не знал, куда делось болото; не знал, что на этом самом болоте 3 дня торчала на колу голова казненного донского казака Степана Разина, 250 лет назад вставшего мятежом на царя, воевод и бояр – вот за таких, как Сенька, как его отец, как 50 миллионов других „черных“ людей тогдашнего Московского государства.

Отпечатано в 1-й Образцовой типографии,
Москва, Валовая, 28, Главлит-А-83620 Д. 21.
Гиз 43218, Заказ 2657, Тираж 20000. 2 п. л.

Фото на страницах 13, 14 и 15 (внизу) из русс-
фото; на странице 13 (вверху) из книги Ульрих
„Детский сад в березовой роще“; рисунки на
страницах 16 и 21 – из альбома „Путешествие
Мейерберга“, рисунок на странице 28 – из народн.
картинок Ровинского; макет Кузнецкого Моста
времен Иоанна Грозного (страница 24) – построен
по альбому Мейерберга. Остальные фото –
Н. Шифрина (1927 г.)

45 коп.

